

НОЧЬ ВЕДЬМЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

САРА РААШ
БЕТ РЭВИС

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P12

Sara Raasch and Beth Revis
NIGHT OF THE WITCH

Copyright © 2023 by Sara Raasch & Beth Revis
All Rights Reserved.

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and
Synopsis Literary Agency

Cover and internal design © 2023 by Sourcebooks
Jacket design by Erin Fitzsimmons and Liz Dresner/Sourcebooks
Jacket art © David Curtis

Перевод с английского *Д. Кандалинцевой*
Художественное оформление *А. Андреева*

Рааш, Сара.

P12 Ночь ведьмы / Сара Рааш, Бет Рэвис ; [перевод с английского
Д. Кандалинцевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-206842-3

Фрици – ведьма. Когда охотники напали на ее ковен, она оказалась единственной, кому удалось выжить. Теперь она жаждет отомстить за смерть близких и бросить вызов ордену охотников на ведьм. А для этого нужно уничтожить их безжалостного лидера.

Отто – охотник. Но это всего лишь прикрытие. Много лет назад по подозрению в колдовстве сожгли на костре его мать. Тогда он поклялся убить всех виновных.

Их встреча была лишь вопросом времени. Общая цель свела Фрици и Отто вместе. Но смогут ли ведьма и охотник доверять друг другу?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

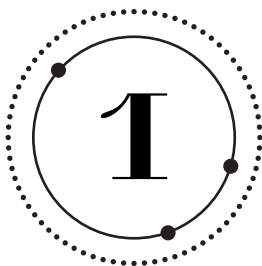
ISBN 978-5-04-206842-3

© Кандалинцева Д., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Каждой ведьме, которую сожгли,
и каждой ведьме, которая наблюдала,
и каждой клятве, что была дана в дыму.*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ТРИГГЕРАХ:

домашнее насилие (в воспоминаниях), тюремное заключение по ложному обвинению, телесный хоррор, убийства, физические пытки, психологические пытки, эмоциональные манипуляции, потеря контроля над телом посредством магии, жестокое обращение с детьми (в воспоминаниях/впоследствии), жестокое обращение с животными (одно воспоминание).

ФРИЦИ

ДЕКАБРЬ 1591 ГОДА

Глаза моей матери — сам огонь, они пылают так яростно, что я чувствую их жар на коже. Огонь прожигает меня насквозь, испепеляя, а я беспомощно стою посреди нашей маленькой кухни, раскинув руки и сжимая в кулаках пустые пузырьки из-под зелий.

— Иди, Фридерика, — говорит мама командным тоном. — Иди в подвал.

Крики битвы снаружи не утихают. Как долго длится сражение? Каждый крик, сопровождающий атаку, до сих пор кажется мне раскатом грома, который проносится по моим венам, будто призывая: «Очнись. Опасность. Беги».

Мама повторяет:

— Иди, *сейчас же*.

Я зашла сюда, только чтобы пополнить запасы и найти подкрепление. Нашему ковену нужна помощь...

— Мама, ты не можешь просить меня прятаться. *Не можешь*.

Она бросает взгляд за перекошенное окно. На единственном мутном стекле висит защитный талисман — прутья ясеня, сплетенные треугольником и украшенные веточками розмарины, которые все еще выглядят свежими и источают сладко-цветочный аромат. Много хорошего этот талисман принес.

Много хорошего принесло *каждое* из наших защитных заклинаний.

Я сгребая травы, разложенные на кухонном столе. Береста березы — для защиты, семена фенхеля в кедровой шкатулке —

для обороны. Что же сработает, чего будет *достаточно*? Я принесла из погребца все, что у нас было, все оставшиеся травы, но я поворачиваюсь к открытому люку, будто есть что-то еще, какое-то чудесное решение, которое я пока не вижу, потому что слишком напугана.

— Мама, — пытаюсь я вновь. Я запинаюсь, мой голос звучит слишком высоко, а движения получаются судорожными. Когда я снова тянусь за травами, кедровая шкатулка опрокидывается и десятки нежных ароматных семян фенхеля рассыпаются по деревянному полу. — Позволь мне приготовить дополнительные зелья. Я смогу сделать все быстро. Позволь попытаться...

Линии вокруг ее обычно улыбающегося рта тянутся вниз. Она приглаживает непослушные светлые, как у меня, кудри, будто хочет смахнуть бессилие и печаль. Я уже видела ее такой, этот образ отпечатался в моей душе, и я знаю, с неожиданной вспышкой осознания, что изменилось за последние несколько секунд.

Исход битвы балансировал на грани надежды еще до того, как все началось. Мы всегда знали, что охотники на ведьм придут за нами, поэтому у нас были приготовлены средства защиты и разработаны планы, но успех слишком зависел от удачи.

И она с самого начала от нас отвернулась.

То, что моя мама увидела снаружи, говорило ей: мы не сможем победить. Мы *не победим*.

Я прижимаю пустые склянки к груди.

— Мы сражаемся. Мы должны продолжать бороться!

Мама делает шаг ко мне и кладет ладонь мне на щеку. От нее пахнет потом и порохом.

Снаружи кричат. Крики моей семьи. Крики хэксэн-егерей¹, подлых охотников на ведьм. Заклинания взрываются, звуки выстрелов пронзают воздух.

— *Mein Schatz*², — шепчет мама, ласково проводя большим пальцем мне по щеке. — Мне не нужно, чтобы ты сейчас храбрилась. Мне нужно, чтобы ты *слушалась*.

¹ Охотники на ведьм (от нем. Hexenjäger).

² Мое сокровище (нем.).

Я засовываю склянки для зелий в кожаные сумочки, висящие у меня на поясе, и хватаю маму за запястья.

— Мама, пожалуйста... Мне нужно тебе сказать...

Она целует меня в лоб.

— Я люблю тебя, Фридерика.

А потом она толкает меня. *Со всей силы.*

Я отступаю назад в ошеломлении и натыкаюсь на открытую дверь в подполье.

«Это моя вина, — вот что я собиралась сказать. — Эта битва, охотники на ведьм, которые оказались здесь, — моя вина. Ты не можешь уберечь меня от всего...»

Я падаю, пытаюсь уцепиться за деревянную лестницу, ударяюсь ногами о стену, а потом с глухим стуком обрушиваюсь на земляной пол подвала.

Яркая, сводящая с ума боль пронзает мое тело, когда я поднимаю взгляд и вижу, что сверху на меня смотрит мама, освещенная так, что вместо ее лица я вижу лишь темноту.

— Подожди! — кричу я. — *Нет...*

Она захлопывает дверцу люка. Я слышу, как звякает цепочка, как мама надвигает на люк ковер.

— Волк, лисица и сила кости, — говорит она, ее голос звучит приглушенно. — Помогите мне уберечь этот дом. Защищите и позаботьтесь, оберегите и укройте, даруйте свою силу этой отчаявшейся матери.

— *Мама!* — Мои крики бесполезны. Ее защитное заклинание означает, что даже если бы кто-то стоял на люке, он не смог бы меня услышать. А если кто-то и знал прежде о существовании этого подвала, то забудет о нем и не вспомнит, пока действует заклинание.

Моя мать знаменита своей мощной защитной магией, но это не останавливает меня от того, чтобы вскарабкаться по лестнице и начать колотить кулаками в дверь.

Хотя звуки, которые я издаю, полностью заглушаются, я слышу, что происходит снаружи: крики сражающихся по-прежнему разносятся эхом по нашей деревне.

Слезы текут по моему лицу, но я в ярости их игнорирую. Я не могу плакать. Я должна *действовать*.

Все еще стоя на лестнице, я поворачиваюсь к внешней стене погребца. Окно — мы с мамой установили его для вентиляции после того, как в прошлом году наши запасы покрылись плесенью. Сейчас окно загорожено ящиками и бочками, но оно достаточно большое, чтобы я смогла через него вылезти...

Дверь в дом с грохотом распахивается, и мое тело сжимается. Я знаю, что это не мама собирается уйти — у меня над головой раздаются чьи-то шаги, шуршат ее юбки, когда она поспешно оборачивается к незваному гостю.

Я застываю на лестнице, каждый мускул в теле напрягается, я прислушиваюсь, задержав дыхание. Я даже не смею молиться.

— Коммандант Кирх, — говорит мама бесстрастным голосом.

Из моего горла рвется крик. Сдерживая его, я прижимаю ладонь ко рту.

— Вы думали, что сможете спрятаться? — спрашивает коммандант.

— Я не прячусь, — без колебаний отвечает моя мать. — Я ждала вас.

Между ними повисает тишина. Я могу представить, как они смотрят друг на друга — моя мать, каждая черта которой говорит, что она самая могущественная ведьма в округе, и коммандант охотников Дитер Кирх, который всего на два года старше меня, излучающий смелость и уверенность, которые смогли сделать его в таком юном возрасте главой хэксэн-егерей.

За мою мать ему дадут огромную награду. Его осыплют похвалой. Он разделался с ковенем, последним в округе, и убить мою мать — значит убить старейшину. Могущественную ведьму.

Мой ужас сменяется яростью, дыхание становится прерывистым, слезы текут по лицу.

Он *не прикоснется* к ней.

Когда он говорит: «Взять ее», я кричу.

Я бью в люк плечом, но дверь не подается, и никто наверху не подозревает, что я здесь. Кроме мамы, а я знаю, что она даже

не посмотрит вниз, когда хэксэн-егери вваливаются в дом, чтобы ее схватить.

Лязг железа. Но не слышно ни борьбы, ни сопротивления. Она идет добровольно.

Она знает, что мы проиграли.

Она знает, что Бирэсборн пал.

Мою мать не будут долго держать в заточении — ее доставят в главный город, в Трир, где состоится показательный суд, прежде чем ее привяжут к столбу.

Все ее защитные заклинания и все обереги. Долгие годы мы наблюдали, как соседние ковены уничтожаются или им приходится бежать, чтобы спастись. Мы оставались последним уцелевшим ковром в этой части Священной Римской империи, но теперь и нас уничтожили.

В последние месяцы многие из старших ведьм настаивали на том, что нам надо уйти. Угроза со стороны хэксэн-егерей была слишком большой, а мы становились все слабее.

— Мы должны отправиться в Черный Лес, — сказала моя тетя Кэтрин неделю назад. Она становилась все смелее в спорах с моей матерью. — Лесной народ Источника примет нас.

— И как перевезти десятки людей нашего ковена в место за сотни миль отсюда? — спросила мама, стараясь сохранять спокойствие во время встречи с другими старшими ведьмами. — Как ты думаешь, насколько далеко мы сможем уйти, если хэксэн-егери почти стоят у нас на пороге? Они будут преследовать нас, пока не достигнут источника нашей магии. Мы не можем так рисковать. Кроме того, это наша ответственность — разобраться с угрозой, которую представляют хэксэн-егери, — Дева, Мать и Старица.

Тетя Кэтрин вздохнула, и ее лицо побледнело.

— Значит, нам остается только умереть здесь? Ждать, пока охотники прорвутся сквозь нашу защиту?

— Нет, — пообещала мама. — Нет. Мы найдем способ добраться до них. И покончить с этим.

«Покончить с этим».

«Наша ответственность».

Мой желудок сжимается от этой подавляющей, отравляющей ответственности, пока я спускаюсь по лестнице.

Мы не можем сдаться.

Я не могу сдаться.

Я разбираю нагромождение из ящиков и бочек, которые закрывают окно, наши запасы валяются к моим ногам: свекла, редис и картофель катятся по земляному полу.

— Дева, Мать и Старица, — молюсь я вслух, оттаскивая последнюю бочку. Но я даже не знаю, о чем молюсь. Прошу о спасении? О силах? Об утешении? Все, мне нужно *все*, и ни одна молитва не даст мне этого. Я оставляю один ящик, чтобы использовать его как стремянку, и запрыгиваю на него. Окно едва ли достаточно большое, чтобы просунуть через него голову, — смогу ли я пролезть? Мамины чары распространялись и на этот выход из подвала?

Мы не стали тратить деньги на стекло, просто воткнули в землю несколько железных прутьев. Хорошая ведьма остановилась бы и сотворила заклинание, чтобы сломать решетку, но я не моя кузина, которая умеет управлять горящим пламенем; я не могу, как мама, призывать животных так же легко, как дышу. Что я использую? Травы. Бесполезные, глупые травы, и как они мне теперь помогут? Да и у меня все равно их не осталось — мы отнесли последние на кухню, когда мама велела мне спрятаться, так что все, что у меня есть, это я сама и пустые склянки для зелий.

Я работаю быстро, стираю пальцы в кровь, пока разгребаю землю и камни. Хвала Триединой, мы с мамой не слишком искусные строители. Раньше я шутила, что это окно однажды рухнет, но, *schiesse*¹, никогда не думала, что буду радоваться этому.

Один из прутьев вываливается.

Крики снаружи становятся громче.

Я поднимаю глаза, прежде чем успеваю подумать, что этого делать не стоит. Мой взгляд останавливается на группе людей,

¹ Черт побери (*нем.*).

которые находятся в нескольких шагах от окна: два хэксэн-егеря яростно сражаются с парой ведьм. То, что происходит перед моими глазами, повторяет сцены, которые происходят по всей деревне, — ведьмы пытаются изгнать незваных гостей из ковена.

Охотники используют мечи, рубя и нанося удары.

Ведьмы сражаются, применяя единственно доступное им средство — магию. У некоторых есть оружие, но удачно направленное заклинание может быть столь же эффективным, как и клинок.

Одна из ведьм ковена, Агата, специализируется на ткачестве. Ее ткацкий станок создает ткани, вплетая заклинания в шерсть. У синего платья, которое на мне, подол вышит зеленым узором из ясеней — для защиты.

Теперь Агата, мощно раскрутив сеть по дуге, ловит одного из охотников. Тот кричит, и я слышу шипение, когда его кожа закипает от магии, вплетенной Агатой в сеть.

Рядом с ней Готфрид, который, как и мама, умело обращается с животными. Он свистит, и дюжина воронов срывается с деревьев, нападая на другого охотника. Его крики соединяются с криками товарища, и на мгновение у меня появляется надежда — разве могут простые люди противостоять нам? Мы прогоним их. Конечно, мамини опасения были напрасны...

Но охотник в сетях Агаты изворачивается. Без единого звука.

Он пронзает Агату мечом.

Я замираю, ужас, которого я никогда не испытывала, приковывает меня к месту.

Готфрид издает вой. Этого момента слабости оказывается достаточно — другой охотник отмахивается от воронов и бросается на него, сбивая с ног и прижимая к земле. Я вижу, как сверкает металл, как лезвие рассекает воздух между ними, вопль Готфрида резко стихает.

Двое охотников вскакивают на ноги и бегут к группе сражающихся, бросаясь в схватку с новой энергией. Я будто стала телом, не способным мыслить.